

Эсхатология, надежда и пророческое служение Церкви в пост-христианскую эпоху

Интервью с британским богословом Джошуа Сьорл¹⁾

Джошуа Сьорл — доктор философии, преподаватель публичного богословия в Спердженском колледже (Лондон, Великобритания), автор ряда книг:

Theology After Christendom: Forming Prophets for Mission in a Post-Christian World (Eugene, OR: Cascade Press, 2018).

Church Without Walls: Post-Soviet Baptists after the Ukrainian Revolution, 2013–2014. The 2016 Whitley Lecture (Oxford: Whitley Publications, 2016).

A Future and a Hope: Mission, Theological Education and the Transformation of Post-Soviet Society (Eugene, OR: Wipf & Stock, 2014).¹²⁾

The Scarlet Woman and the Red Hand: Evangelical Apocalyptic Belief in the Northern Ireland Troubles (Eugene, OR: Pickwick, 2014).

¹⁾ Беседовали — Сергей Санников и Александр Гейченко. Перевод с английского — Татьяна Герасимчук. Общая редакция — Александр Гейченко.

С. С.: Сегодня 4 мая 2019 года, мы находимся в Украинском католическом университете во Львове. Мы вместе с Александром Гейченко беседуем с Джошуа Сьорл о богословии, церкви и тех вопросах, которые затрагиваются в его новой книге *«Богословие после христианского мира: формирование пророков для миссии в постхристианскую эпоху»*. Добрый день, Джошуа.

Д. С.: Добрый день.

А. Г.: Джошуа, не могли бы Вы вкратце рассказать нам немного о себе, своем служении, о том, как Вы обратились и пришли к вере в Иисуса и почему решили стать богословом?

Д. С.: Да, конечно. Это объемный вопрос, но я постараюсь быть максимально кратким. Итак, я родился на северо-востоке Англии, у самой границы с Шотландией и вырос в христианской семье. Мой отец был (и по-прежнему остается) служителем баптистской церкви. Он также занимал высший руководящий пост в Баптистском союзе Великобритании, был президентом баптистского союза. Не могу припомнить времени, когда бы я не был христианином, поэтому я не могу рассказать о ярком и драматическом опыте обращения с точки зрения традиционного евангельского подхода. Но я очень благодарен Богу за то, что Он даровал мне хороших родителей и счастье родиться в благочестивой христианской семье. Я рос не в городе, а в сельской местности, что дало мне возможность всегда видеть красоту Божьего творения и восхищаться ею. Когда мне было 18 лет, я поступил в Оксфордский университет, где изучал новейшую историю в колледже Риджентс Парк в Оксфорде.^[3] Именно там я стал членом содружества студентов-христиан, что послужило укреплению моей веры. Я начал яснее понимать собственную веру с точки зрения ее глубины и подлинности. Уже тогда я чувствовал призвание Божье — призвание стать не служителем, как мой отец, а преподавателем. Именно в этом я видел свою будущую профессию. И кроме того, я хотел писать. Еще с ранних лет я осознал, что у меня к этому труду есть призвание. Семья и друзья говорили мне, что Бог дал мне писательский дар, который я должен реализовать. Поэтому я понял, что писать — это важная часть моего призвания, и я должен заниматься исследовательским делом.

Вам, наверно, интересно, каким образом я связан с Украиной. После того как я закончил обучение в Оксфорде, я поехал IBTS^[4] в Прагу писать магистерскую работу по прикладному богословию. В Праге я позна-

^[2] Перевод на русский язык: *Будущность и надежда: миссия, богословское образование и преобразование постсоветского общества*. (Черкассы: Коллоквиум, 2015).

^[3] Regent's Park College — частный баптистский колледж, основанный в 1810 году, с 1957 года — лицензирован университетом Оксфорда. (Здесь и далее прим. редактора).

^[4] International Baptist Theological Seminary — Международная баптистская богословская семинария Европейской баптистской федерации. До 2014 года располагалась в предместьях Праги, Чешская республика. Летом 2014 года переехала в Амстердам, Королевство Нидерланды, где и находится в настоящее время.

комился со студентами из России, Украины и других стран Восточной Европы, а также с замечательной девушкой из Днепропетровской области по имени Вардуи, которая в 2012 году стала моей женой. После окончания IBTS у меня была возможность написать докторскую диссертацию в Тринити колледже в Дублине, т.е. в Ирландии.^[5] Я закончил диссертацию достаточно быстро, в течение двух лет. А это означало, что у меня было некоторое свободное время, чтобы подумать над своим призванием служить детям Божиим, чтобы Церковь исполняла свое призвание, в частности, в Украине.

Украинские друзья пригласили меня работать в Донецкий христианский университет. Почти год у меня была здесь возможность нести служение, изучать красивый русский язык, размышлять над Божиим призванием – служить Церкви в Украине. Это служение продолжается и по сей день. В 2013 году мне предложили стать преподавателем курса «Богословие публичной мысли» в колледже Сперджена.^[6] Это служение и работа продолжается вот уже шестой год. Колледж Сперджена – это баптистский богословский колледж в южной части Лондона, где мы готовим братьев и сестер к служению. Но связь с Украиной я не потерял. Во-первых, в Украине живут наши родственники, у нас много близких друзей среди украинских христиан. Кроме того, в 2016 году я основал миссионерскую организацию Dnipro Hope Mission (Миссия Днепр-Надежда). Мы поддерживаем различные христианские проекты в Украине, очень тесно работаем с различными местными церквями, особенно с баптистскими церквями на востоке страны. Миссия поддерживает проекты, связанные с помощью сиротам, беженцам, старикам, инвалидам. Мы с женой занимаемся этим служением вместе, и наше посвящение служению в Украине носит долгосрочный характер. На эту тему можно еще долго говорить, но я надеюсь, что я вкратце смог ответить на ваш вопрос.

А. Г.: Спасибо, Джошуа. Не могу не задать вопрос о теме Вашей докторской диссертации. Не могли ли бы Вы рассказать нам, о чем эта работа?

С. С.: Да, расскажите о предмете и области ваших богословских интересов.

Д. С.: Конечно. С довольно ранних лет я был буквально захвачен книгой Откровения. Я до сих пор помню свои ощущения, когда я читал ее еще ребенком и пытался что-то понять. И в общем-то я думаю, что, будучи ребенком, я понимал книгу Откровения лучше, чем сейчас, после того как я написал докторскую диссертацию по Откровению. Дело в том, что для понимания и истолкования книги Откровения нужно подключать воображение. Помните, Иисус говорил, что, если вы хотите войти в Царство Небесное, вам нужно уподобиться детям. Я попытался

^[5] Trinity College – старейшее учебное заведение Ирландии, основанное в 1592 году.

^[6] Пасторский колледж, основанный в Лондоне в 1857 году баптистским проповедником и пастором Чарльзом Гаддоном Спердженем (1834–1892).

собрать все свои академические знания и наработки по книге Откровения, которая и стала темой моей докторской диссертации. И, поскольку я ее писал в Ирландии и мое диссертационное исследование поддерживало государство, я должен был интегрировать в свою работу некоторое ирландское измерение. Поэтому я решил писать о толковании книги Откровения евангельскими христианами в Ирландии. Я пытался понять, как книгу Откровения с ее главными темами, образами и аналогиями использовали для того, чтобы либо достичь мира и примирения, либо подтолкнуть людей к вражде, непримиримости и страху. Эти вопросы и легли в основу темы моей диссертации. Я писал в жанре, который вы, наверно, назовете библейским исследованием, но в нем также присутствовал элемент публичного богословия, т.е. понимание связи и взаимодействия Библии и культуры. Кроме того, я был тесно вовлечен в работу начинающегося в то время движения, которое сегодня называют миллениальными исследованиями.^[7] Тогда оно находилось на ранних стадиях своего развития, но с тех пор в богословских кругах оно стало гораздо более популярным.

Итак, миллениальные исследования, т.е. интерпретация того, как миллениальные апокалиптические идеи зародились и развивались в данной культуре. Я сотрудничал с Центром миллениальных исследований в Trinity College в Дублине. По этой теме я написал и опубликовал много различных статей. Я написал книгу “Конец света: что дальше?”^[8] в соавторстве с коллегой из университета Ливерпуль Хоуп.^[9] Книга вышла в 2012 году. Моя докторская диссертация была опубликована в 2014 году под названием “Вавилонская блудница и красная рука: Роль евангельских апокалиптических убеждений в северо-ирландских потрясениях”.^[10] Я мог бы и дальше говорить на эту тему, но, думаю, сейчас она мало касается темы нашего разговора. Однако, я должен сказать, что это исследование проложило траекторию развития моей академической стези и интересов. Уже позже круг моих интересов расширился на миссиологию и прикладное богословие. Но я продолжаю питать интерес к своим старым пристрастиям: к апокалиптике и миллениальным исследованиям. Совсем недавно я написал главу для оксфордского учебника по апокалиптике, в которую я включил довольно пространную статью о футуристических толкованиях книги Откровения. Мы ожидаем эпоху предмиллениального разрешения, некоторых политических сдвигов и политического участия в предстоящих событиях. Поэтому данная тематика остается для меня очень интересной, хотя в последнее время я пы-

^[7] Millennial studies — направление в современной гуманитаристике, которая занимается изучением верований, движений и влияния, связанных с представлениями о конце времен, известными как миллениаризм и апокалиптика.

^[8] Joshua Searle, *Beyond the End: The Future of Millennial Studies* (Sheffield: Sheffield Phoenix Press, 2012).

^[9] Liverpool Hope University — государственный университет в Великобритании.

^[10] Joshua T. Searle, *The Scarlet Woman and the Red Hand: Evangelical Apocalyptic Belief in the Northern Ireland Troubles* (Cambridge: Lutterworth, 2014).

таюся все больше размышлять на темы, связанные с миссиологией и прикладным богословием.

А. Г.: Джошуа, если можно, расскажите, почему Вы питаете настолько большой интерес к апокалиптике и, особенно, к книге Откровения? Откуда появился этот интерес?

С. С.: Как он связан с публичным богословием? Вы об этом уже упоминали. Расскажите подробнее, пожалуйста.

Д. С.: Я следую изречению марксистского философа-атеиста Эрнста Блоха, который сказал: «Быть человеком означает надеяться». Быть человеком — означает питать эсхатологические устремления. Я считаю, что эсхатология не может принадлежать исключительно христианской церкви, она — часть глубинного естества каждого человека. Быть человеком означает проявлять запредельные устремления и интерес к той библейской идее, что Бог заключил вечность в наше сердце. Для меня эсхатология отвечает на вопрос: что значит быть человеком? Это один из самых главных вопросов Иммануила Канта: на что мы смеем надеяться? Он задавался вопросами, что мы можем знать, как мы должны жить и также, на что мы можем надеяться? Поэтому трансцендентность — это неотъемлемая часть человеческой природы. Для меня апокалиптика — это дискурс о надежде человека. Апокалиптика — часть человеческой природы, каждый человек — вне зависимости от того, исповедует ли он христианство, ислам, буддизм, атеизм, да что угодно, — выражает трансцендентность, свои глубинные устремления и эсхатологические надежды. И я пытаюсь понять, как выразить эту надежду и наполнить ее библейским и богословским контентом. Это и привело меня к изучению книги Откровения.

Что же означает быть человеком? Мы начинаем с антропологии, но потом оказываемся у библейского и богословского способа выражения человеческих надежд. Так что же означает быть человеком? Быть человеком означает выражать базовые экзистенциальные потребности, надежды и желания, вызванные необходимостью в еде, крове, и т.п. Следующая нить, вплетенная в канат человеческой личности, — общественная составляющая (я сейчас говорю о системе Джеймса Маклендона, который оказал формирующее влияние на исследование данного вопроса). Что такое эта вторая нить? Мы живем в обществе. Как говорят, человек — это животное социальное. И это очень важно. Но также существует и третья нить, о которой нельзя забывать — относящаяся к вере в воскресение, эсхатологическая нить в канате человеческого естества, которую следует иметь в виду при ответе на вопрос: что означает быть человеком? Меня особенно восхитило то, как эти устремления были выражены в, например, в Восточной Европе в Советском Союзе. Я считаю, что коммунизм в Советском Союзе был насквозь эсхатологическим явлением. Советское марксистско-ленинское мировоззрение обещало людям рай на земле, обещало, по сути, утопию и секулярную апокалиптику. Здесь

были и священные писания, и авторитетные толкователи этих писаний, то бишь, священных текстов Маркса и Энгельса и т.д. У вас, в сущности, была апокалиптически религия, провозглашающая рациональные секулярное мировоззрение. Как евангельский христианин я могу с уверенностью сказать, что апокалиптическая эсхатология начинается с христологической точки отсчета. И ее фокус, ее цель восходит к Царству Божьему, не к секулярному идолопоклонству и утопии, но к Царству Божьему. Как однажды сказал Карл Барт, богословие должно быть пронизано эсхатологией от начала до конца. Юрген Мольтманн отметил ту же мысль в своем «Богословии надежды».^[11] Он говорил, что эсхатология — это не просто то, что когда-то произойдет, это не последняя глава в систематическом богословии; эсхатология полностью охватывает всякое начало любых христианских и богословских размышлений.

С. С.: Интересно. Вы начали с того, что задались вопросом: что означает быть человеком? Но Юрген Мольтманн начинал с другого вопроса: что Библия говорит об эсхатологии и надежде, и что такое надежда с библейской точки зрения? Его отправной точкой была Библия. Вашей отправной точкой был вопрос о человеке. Это интересный и вообще другой подход. Означает ли это, что Вы хотели бы ответить на вопросы публичного богословия, которое сейчас поднимает вопросы, которые беспокоят светское общество? Правильно ли я Вас понимаю?

Д. С.: Я вообще хочу начать говорить не с перспективы светской антропологии, а с библейской точки зрения на то, что значит быть человеком. Поэтому на этом этапе мой подход сопоставим с подходом Юргена Мольтманна. Но я думаю, что богословие действительно должно быть вовлечено в обсуждение вопросов, которые возникают в светском обществе, без того, чтобы они определяли «повестку дня» в богословии. Я думаю, что это важно. Это тонкие нюансы и отличия, но они, тем не менее, важны.

А. Г.: Джошуа, Вам интересны эсхатологические и апокалиптические вопросы. Сергей Викторович спросил, как эти вопросы касаются публичной сферы. Вы уже начали говорить об этом. Вы затронули экзистенциальный вопрос о том, что значит быть человеком, и как это может быть связано с нашим будущим, как идентичность человека связана с его ожиданиями. Не могли ли бы Вы задержаться на данном аспекте, особенно на том, что может иметь отношение к публичной, общественной сфере. Т.е. об актуальности апокалиптики в публичной сфере.

Д. С.: Конечно. Апокалиптическая эсхатология вытекает из вопроса сотериологии, т.е. вопроса, что значит быть спасенным? Здесь можно вспомнить возглас темничного стража из города Филиппы: «Что мне делать, чтобы спастись?». Это возглас не только отдельно взятого человека, это возглас, вырывающийся из сердца каждого человека: «Что мне делать, чтобы спастись?». Мы живем в культуре, которая подчеркивает

[11] Jürgen Moltmann, *Theology of Hope* (London: SCM Press, 1965).

важность формирования учеников. И различные источники обещают указать путь к спасению и, стало быть, если вы хотите получить спасение, то должны приобрести продукт А, Б, В, и т.д. и только потом вы обретете полноту жизни и т.д. Это ложные обещания. Где можно найти спасение? Что значит быть спасенным? Это вопрос эсхатологического характера, и это вопрос, который касается жизни.

Что меня поражает в евангельских историях — так это то, что Иисус никогда не проводит различий между спасением и жизнью. Он относится к этим терминам практически как синонимам. Одна из проблем, с которой мы как евангельские христиане сталкиваемся, состоит в том, что мы склонны разделять спасение и жизнь, и тогда спасение становится просто уделом апокалиптических умопостроений и вопроса посмертной судьбы человека, т.е. того, что будет происходить с ним после того, как он умирает. Иисус же, когда говорил о жизни и евангелии жизни, не имел в виду посмертную судьбу, т.е. Он не говорил о жизни после смерти. Я как евангельский христианин верю в жизнь до смерти, что жизнь возможна до смерти, и в то, что она — вечна, т.е. имеет вечную трансцендентную природу. Поэтому *zoe* или жизнь, о которой говорит Иисус в евангелиях, — это отправная точка или исходный пункт, который мы должны не терять из виду. И это то, что меня прежде всего волнует в связи с тем, как мы представляем евангелие публично. Потому что мы как евангельские христиане говорим о евангелии спасения, обычно имея в виду прощение грехов, когда Господь вменяет нам Свою праведность, производя необходимые юридические действия, в результате которых грешник объявляется невиновным. Но это не всегда приводит к тому, что человек испытает полноту жизни в контексте постоянного ученичества. О такой жизни Иисус проповедовал и свидетельствовал выразительно и красноречиво. Поэтому то, что я хотел бы достичь, и я пытаюсь это сделать в своей книге, — это попытаться восстановить нарушенную взаимосвязь между спасением и жизнью, и это включает в себя полномасштабный сдвиг в осмыслении христианства от представления христианства как религии личного спасения к христианству как радикальному движению животворящего и жизнеутверждающего сострадания.

С. С.: Я могу сказать, что в Восточной Европе всегда было такое понимание. В частности, у нас раньше, да и сейчас, во время испытания кандидатов в члены церкви перед крещением им задают вопрос: у вас есть уже жизнь в Иисусе? Вы уже спасены? Или вы ожидаете, что когда-то будете спасены? Если кандидат не может открыто выразить или продемонстрировать как-то своим поведением то, что он спасен, мы никогда не принимали такого человека в наше сообщество. Т.е. это для нас не что-то новое, а вполне обычная практика... Но может быть в западном обществе это практикуется по-другому.

Д. С.: Возможно, в этом вопросе западные христиане могут поучиться у восточных, особенно от братьев еще той советской эпохи. По крайней

мере, на Западе мы живем в культуре или жили до недавних пор в обществе, отличающимся достатком, изобилием, и с этой перспективы легко откладывать сотериологические вопросы на потом, рассматривать их в контексте посмертного существования человека, т.к. мы не живем изо дня в день в реальности структурной несправедливости, которую испытывали когда-то советские евангельские христиане. Поэтому вы правы, должно быть ожидание, что человек, утверждающий, что он во Христе, что он христианин, последователь Христа, должен демонстрировать, проявлять плоды Духа.

С. С.: Это демонстрируется в жизни посредством поведения, определенного образа жизни.

Д. С.: Да, конечно.

А. Г.: Что поражает меня – так это связь между апокалиптической и публичной сферой жизни здесь и сейчас. И, насколько я понимаю, Вы подчеркиваете эту взаимосвязь. Потому что в этой части мира мы используем иногда апокалипсис или эсхатологию как своего рода отговорку. Так как верующие люди не принимают участия в публичной деятельности, поскольку считают, что все и так будет разрушено. Мы ожидаем «небесного» настолько, что желаем бежать от жизни здесь и сейчас. Вы же пытаетесь повернуть это, продемонстрировать, насколько я понимаю, что эсхатологические ожидания должны побудить христианина активно вовлечься в публичную сферу.

Д. С.: Абсолютно согласен. Это очень важно, и я думаю, что это один из значительных уроков, которые мы можем взять у Юргена Мольтмана, выражающего эту идею очень убедительно, ярко и привлекательно, а именно, что эсхатология и апокалиптика подразумевают, что верующие будут весьма радикально бороться за праведность и справедливость. И помните, что эти качества – праведность и справедливость – не просто социальные ценности, они – евангельская обязанность. И я думаю, что апокалиптически правильно и библейски сформированная апокалиптическая эсхатология может помочь нам осознать, что борьба за справедливость по отношению к бедным, маргинализированным слоям общества – не просто часть социальной этики или социальной работы – речь идет о прямом евангельском повелении. Причем эти повеления не обговариваются для тех, кто хочет следовать за Христом и быть Его учениками.

Поэтому апокалиптика как таковая не должна вести людей к пиетистскому самоустранению от мира, она должна вести к радикальному участию в делах, которые происходят в мире, к общности или солидарности с миром, действовать от имени людей, которых Иисус описал как «малые сии» в 25 главе Евангелия от Матфея. Я считаю это важным. Это важная исходная библейская позиция.

С. С.: А что Вы подразумеваете под солидарностью в противовес набожному образу жизни? Как вы можете это объяснить с практической точки зрения?

Д. С.: В евангельском сообществе — как на западе, так и на востоке — всегда присутствовало убеждение, что самоустранение и конфессиональное отступление от общества — это наиболее верная модель участия христианина в жизни общества. Но это не тот принцип, который мы находим на страницах Евангелия. Думаю, эту позицию вполне можно подкрепить библейскими ссылками. Тем не менее, если вы взглянете на Писание в общем, на его повествовательную цельность, то увидите Бога, которому безразлична жизнь людей. Он принимает в ней участие, Он являет Себя им, Он демонстрирует солидарность со Своим народом. И ярче всего это проявляется в факте Его воплощения. Бог не уходит в сторону, Он не самоустраивается от боли и страданий. Но Он идет рядом с людьми. В этом для меня и заключается полное значение креста. Крест — это не просто символ, крест — это реальное событие, которое показывает сущность того, кто есть Бог. Он — Бог, чья суть сводится к самопожертвованию, состраданию и любви. Поэтому Сам Бог демонстрирует общность или солидарность со Своим страдающим народом. И еще Иисус сказал: «Как послал Меня Отец, так Я посылаю вас». В этом состоит наша задача и великое поручение — быть солидарными с людьми, по отношению к которым оказывается несправедливость и притеснение.

С. С.: А как это можно сделать практически? Идет ли речь о сострадании и работе с бедными и нуждающимися? В чем эта работа должна отличаться от добродетельного образа жизни?

Д. С.: Что я отстаиваю — особенно в книге — это не просто практику добрых дел милосердия. Я пытаюсь объяснить, что оказание милосердия не сводится просто к перевязыванию ран. Оказать милосердие, особенно в контексте притеснений, означает выступить против несправедливости и насилия. А это означает противостоять начальствам и властям. Именно так Иисус проявлял Свою любовь и сострадание. Я иногда говорю, что Иисус не ходил повсюду, предлагая людям чашечку чая, похлопывая их по плечу и демонстрируя свою к ним симпатию. Он показал Свою любовь и сострадание, борясь с начальствами и властями за людей, находящихся в заточении и рабстве. В всем этом не было ничего сентиментального.

С. С.: Как Иисус делал это практически? Как Он противостоял властям, несправедливости? Как это происходило и как мы можем это делать? Каким образом? К какому методу мы можем прибегнуть? Мы полностью согласны с вами. Но как мы можем это делать?

Д. С.: Мы сейчас говорим о книге. Я старался уходить от того, чтобы предлагать какие-то рецепты — делайте это так: шаг 1, шаг 2, шаг 3 и т.д. Я осознанно не шел по этому пути. Мне хотелось побудить людей размышлять об этих вопросах и молиться творчески о том, как это понимание конфронтационного сострадания и пророческого свидетельства может применяться в конкретном контексте. Я не собираюсь заявлять, что в Украине народ Божий должен делать то или иное, должен зани-

маться определенной политической деятельностью. Я осознанно не призываю к чему-либо подобному. Потому что я считаю, что моя задача как богослова состоит в том, чтобы предложить библейское и богословское понимание значения евангельского видения сострадания и справедливости. Христиане — как отдельные верующие, так и христианские сообщества — затем должны интерпретировать и осуществлять это видение в плане или стратегии вовлеченности...

С. С.: В фокусе Вашей книги тема Царства, а не Церкви. И Вы отмечаете, что еkkлезиологический центр — это не центр Нового Завета или Библии. Как тогда в свете этих заявлений и данного курса Вы объясняете Великое поручение? Как тогда можно воплощать идею обретения учеников для Христа, крещения их и т.д.?

Д. С.: Во-первых, в 28 главе Евангелия от Матфея нет какого-либо упоминания о церкви или еkkлезии. Когда Иисус говорил о крещении людей во имя Отца, Сына и Святого Духа, как я вижу данный текст, то не подчеркивал в первую очередь идею отправления ритуала или священного таинства, предполагающего окропление или погружение человека в воду. Насколько я понимаю, Иисус имел в виду полномасштабное погружение в реальность мира, который окутан славным присутствием Отца, Сына и Святого Духа. И для того, чтобы понять и оценить это, мы нуждаемся в радикальной *metanoia*, радикальном изменении мышления, ориентации. Человек, понимающий мир с этой перспективы, погружен в реальность, он крещен, он получил второе рождение, чтобы жить новой жизнью во Христе. Что меня беспокоит в вопросе крещения, так это то, что мы ведем нескончаемые дискуссии, обсуждая, как или когда этот процесс должен проходить. Но, если честно — и я говорю сейчас на уровне полемики, не пускаясь в частности — я нахожу это невыразимо и невообразимо банальным и скучным, и думаю, что то же самое чувствуют многие люди, особенно молодежь. Их не интересуют так называемое сакраментальное истолкование крещения. На эту тему написано много хороших исследований. И мне кажется, что в нашем постхристианском мире эти вещи стали уж слишком самоублажающими. Нам бы вместо этого озаботиться евангелизмом и думать, что значит жить как ученики Христовы, как остаться честным и сострадательным в современном мире. И для меня это включает не ритуалы или священнодействия, а действенное участие, критическое участие, солидарность, т.е. общность с миром по основным актуальным вопросам, которые имеют место быть в публичной сфере. Я пишу об этом в своей книге.

А. Г.: Вы уже упомянули несколько имен: например, Юрген Мольтманн, который оказал определенное влияние на то, как Вы сейчас мыслите. Не могли ли бы Вы назвать несколько имен богословов, которые в серьезной степени повлияли на Ваши взгляды и подходы в богословии?

Д. С.: Конечно. Во-первых, я назову анабаптистов, не обязательно сугубо ученых-богословов, просто анабаптистов как таковых с их жиз-

ню, верой, свидетельством и мученичеством. Я помню, что я был очень впечатлен, когда читал истории о ранних анабаптистах, это были истории об героических деяниях и о мученической смерти многих из них. Феликс Майнц, которого замучили за веру во Христа, Бальтазар Губмайер, который тоже понимал вызовы следования за Христом и понимал цену ученичества — его тоже жестоко убили, сожгли на костре. Мне кажется, анабаптисты помогли мне увидеть разницу между религией и верой, научили тому, что христианство — это в первую очередь не то, что человек исповедует устами, потому что может быть так, что человек устами исповедует одно, но сердцем это отрицает. Мы иногда даже можем обманывать сами себя, думая, что во что-то верим, когда на самом деле — нет. Я говорил об этом в своей книге.

Анабаптисты научили меня, что самое основное в христианине — это не доктрины, которые мы исповедуем, но жизнь, которую мы проводим в послушании Господу Иисусу Христу. Поэтому послушание, а не доктринальное верование — вот ключевой элемент веры. Я думаю, что этот факт может многому научить нас, живущих в постхристианском мире, где размываются признаки самобытности. Я считаю, что ученичество и послушание гораздо мощнее способны вдохнуть жизнь, настоящую жизнь, по-библейски правильную, чем самобытность или принадлежность к той или иной деноминации. Мне кажется, что такой подход открывает большой потенциал во многих отношениях, особенно для развития экуменического диалога или для тех, кто идет по пути духовности и ученичества. Я считаю, что это важно. Анабаптисты помогли мне понять эту истину.

Я также могу упомянуть влияние нового монашества. Еще Дитрих Бонхёффер говорил, что возрождение церкви придет только в виде новой формы монашества, не имеющей со старой ничего общего, кроме полного отсутствия компромиссов в жизни по Нагорной проповеди. Нагорная проповедь (это Евангелие от Матфея с 5 по 7 главы). И мы сейчас опять возвращаемся к анабаптистам, потому что для них Нагорная проповедь — это абсолютно фундаментальный текст Библии. Я думаю, что здесь можно говорить об интересном синергизме между анабаптистским взглядом на ученичество и послушание и взглядом нового монашества на бескомпромиссное следование Нагорной проповеди. Слово «монашество» происходит от греческого *monos*: единственный, т.е. мы говорим о том, что нам необходимо только одно: искать Бога и любить Его всем сердцем, всей крепостью и всем разумением — это первостепенное призвание в жизни каждого человека. Для меня видение нового монашества дает мне основание для духовности и богословия, учит совмещать богословие с духовностью, академическую составляющую и молитвенную жизнь в послушании Христу. Поэтому для меня очень важно видение нового монашества.

И наконец, чрезвычайно важное влияние на меня оказал русский экзистенциалист и философ XX века Николай Бердяев. Я открыл для

себя труды Бердяева, когда еще учился на бакалаврской программе в Оксфорде. Для меня его работы были сродни великому откровению, я бы даже сказал, второму обращению. Они научили меня тому, что означает быть человеком — не в смысле некоего объекта, а в смысле того, что означает быть человеком с духовной точки зрения. Он развивает антропологию человеческой свободы и духа. Он научил меня, что на самом деле означает духовность. Что духовность — это, по сути, отрицание мира объективизации, что истину следует искать не во внешнем мире вещей и объектов — истина может быть найдена в субъективизме и отношениях. Мой интерес к Бердяеву привел к интенсивному изучению работ датского философа XIX века Сёрена Кьеркегора. Он пришел к очень похожему выводу, исходя из несколько другой перспективы веры. Поэтому думаю, что, отвечая на Ваш вопрос, я могу совершенно определенно назвать упомянутые три источника, оказавших на меня влияние: анабаптисты, новое монашество и экзистенциальная философия Сёрена Кьеркегора. Я могу также сказать, что я нашел очень аргументированным и убедительным Фридриха Ницше. Если не брать во внимание его неистовую тираду против христианства, то у него можно много чему поучиться. Также я назову Бердяева, Мартина Хайдеггера. Я знаю немецкий язык и преподавал в немецких школах и семинариях, могу бегло говорить и читать на немецком языке. Я считаю, что мое знание немецкого открыло передо мной новые перспективы в понимании некоторых фундаментальных вещей в богословии: что означает быть человеком, в чем значение эсхатологических надежд и т.д. И, конечно, мое знание русского языка и знакомство с трудами Толстого, Достоевского повлияли на мое понимание философии свободы. Мне кажется, Достоевский может считаться самым великим богословом XIX столетия — не писателем романов, а именно богословом. Его легенда о Великом инквизиторе... я взял за правило перечитывать ее каждый месяц. И каждый раз она открывает мне что-то новое. Это те некоторые разноплановые источники, которые на меня повлияли.

А. Г.: Вы писали о постхристианском богословии. Не могли ли бы Вы выделить некоторые аспекты, которые требуют богословского участия? Я попробую перефразировать вопрос: какие темы или предметы, требующие богословского обсуждения, Вы считаете на данный момент самыми важными?

Д. С.: Я так понимаю, что вопрос касается тем, связанных с публичной сферой?

А. Г.: Нет, я имею в виду любые темы: публичная сфера, богословие, все, что угодно.

Д. С.: Я считаю, что постхристианство и постмодернизм — это не одно и то же, но они во многом и интересно перекликаются друг с другом и развиваются рядом и параллельно друг другу. Мне кажется, что в постмодернистских условиях мы наблюдаем повышение ценности рас-

сказа, повествования. Я бы начал с этого. Вы спросили, какие темы в условиях постхристианского общества должны поднимать богословы. Я считаю, что это должны быть темы, связанные с вопросом существования человека, изложенные в повествовательном формате. Ведь люди живут и анализируют свою жизнь не на основании статистических данных, графиков или уравнений. Они открывают для себя какие-то значения в историях. Поэтому мне кажется, что богословы должны быть людьми, рассказывающими альтернативные истории, которые бы направляли людей в русло живительного евангелия Иисуса Христа. И я думаю, что при этом богословы должны быть очень креативными в актуальных вопросах, возникающих в публичной сфере и мире — в мире, в который Бог вовлекается и любит настолько, что послал Своего единственного Сына умереть за него.

Мы должны принять участие в великом плане Бога по искуплению мира силой Духа Святого. Мы должны понимать, что значит жить, сохраняя верность евангельскому повествованию об Иисусе Христе, интегрируя это повествование в жизнь нас как отдельных людей, как церкви, как тех, кто живет и является частью большого общества. Я считаю, что мы должны открыть людям христианское повествование и толкование, например, по таким вопросам как, что значит быть человеком в свете беспрецедентных достижений в сферах биотехнологии, киберинженерии, искусственного интеллекта. Это те вопросы, которые по каким-то причинам даже не стоят в повестке дня обсуждения современных богословов. А между тем они приобретают абсолютно радикальное значение. Мы, богословы, тратим все свое время и занимаем свои самые светлые умы и академические возможности, пытаюсь решить вопросы крещения, экклезиологической идентичности в каком-то XVII веке. И, бесспорно, все это очень интересно и занимательно. Однако, какие вызовы стоят перед миром сегодня? Поэтому на своих лекциях я пытаюсь обратить внимание на эти проблемы.

Если вы тратите все свое время, изучая тонкие нюансы того, как кальвинисты дискутировали с арминианами по вопросам предопределения и спасения, если вы только и выясняете, как Афанасий развивал полемику с Арием на тему единосущности Отца и Сына... Да, возможно, в этих дебатах есть определенный исторический, анахронический интерес. Однако, каковы неотложные богословские нужды сегодняшнего дня? Какие современные богословские вопросы должны стоять на повестке дня? Мне бы очень хотелось, чтобы богословское сообщество было в авангарде или, лучше сказать, на передовой важных вопросов общества, а не просто реагировало на события по свершившемуся факту. Важно работать на опережение, предвидеть события или явления, креативно вовлекаться в решение тех или иных вопросов. С моей точки зрения сама по себе Библия представляет собой нарратив. Кроме того, Библия — это не просто авторитетный источник — она источник замечательного креатива. Об этом я не писал в своей книге, потому что эта мысль у меня

возникла совсем недавно: мысль о том, что Библию нельзя рассматривать единственно в качестве источника авторитета, ее в том числе следует рассматривать в качестве источника творчества, креативного вовлечения в некоторые абсолютные важные вопросы жизни, например, вопросы искусственного разума, биотехнологии, проявлений фашизма, национализма, популистской политики, которая в целом поддерживается христианами. Мне кажется, мы должны поощрять христиан стоять на страже против ложных и идолопоклоннических нарративов, которые смещают центр тяжести с истины о Христе.

Сейчас возникло множество отвлекающих внимание ложных и интригующих историй, замаскированных под христианство. Христианство стало сродни торговой марке, которая до сих пор ходит в употреблении в обществе, и эту марку клеят ко всякого вида движениям, политическим партиям. Как мне кажется, для христиан и христианства в наш век «постправды» одно из самых больших искушений – опасность быть взятым в оборот на службу различных политических идеологий.

Сегодня в мире есть определенные политические силы – в Украине, в Великобритании, где угодно, какие угодно, часто партии правого толка, экстремистские, популистские партии – оперирующие христианскими терминами и говорящие о традиционных семейных ценностях. Однако все эти силы провозглашают не Дух Христов, а дух антихриста. И поэтому мы знаем, что силы антихриста уже повсеместно действуют, как пишет Иоанн в своем послании. Нам необходимо иметь мужество и мудрость различать Дух Христов и дух антихриста, испытывать их, от Бога ли они, испытывать все действующие сегодня в мире силы и власти, направляют ли они людей к истине, или уводят от пути жизни.

Я считаю, что богословие и богословы должны быть теми, кто различает духов. Одно из моих любимых определений того, чем должна быть церковь, следующее: церковь должна быть сопротивляющимся и различающим сообществом. В постхристианском мире церковь должна быть пророческой и динамичной. А это требует способность различать и при необходимости сопротивляться и держать удар.

А. Г.: И последний вопрос. Что бы Вы посоветовали молодым богословам или студентам, изучающим богословие в семинариях и университетах?

Д. С.: Читайте Николая Бердяева! Я серьезно. Читайте биографии великих женщин-христианок, мужчин-христиан, живших во все времена. Постарайтесь понять их жизнь, их трудности, их борьбу. Я думаю, что богословие – это борьба. Я этому учу студентов. Учю тому, что богословие – это не про просиживание в кресле, уютное чтение хороших книжек и размышление о высоких концепциях. Богословие – это про саму жизнь. Богословие должно цеплять корнями саму жизнь. Поэтому я бы посоветовал и призвал молодых ученых и богословов вникать в темы, актуальные в жизни и современном мире. Они должны осознать, что

богословие очень глубоко заинтересовано не в идеях и абстрактных концепциях, а в самой жизни. Что следует именно жизнь взять за отправной пункт. В этой связи я бы также посоветовал молодым богословам открыть свое пророческое призвание, понять, призывает ли их Бог к пророческому служению. Одна из проблем, с которой мы в нашем христианском мире сталкиваемся, заключается в том, что мы по большей части чувствуем тех, кто занимается преимущественно пасторским и учительским служением. Но сейчас времена поменялись. Меняется мир, культура, очень медленно, но меняются церкви. И для того, чтобы церковь активизировала свой пророческий мандат и исполняла Великое поручение, ей нужны пророки, больше пророков.

А. Г.: Не могли ли бы Вы объяснить, что имеете в виду под пророческим служением. Я уверен, что в своей книге Вы об этом говорили, но, если можно, проясните этот термин для наших читателей.

Д. С.: Конечно. Автор послания к Ефесянам говорит о пяти видах служения: пасторском, учительском, благовестническом, апостольском и пророческом. Как я уже сказал, в нашем христианстве мы предпочитаем уделять больше внимания двум первым видами служения, а именно пасторскому и учительскому, иногда благовестническому. Но сейчас настало время воспитать новое поколение апостолов и пророков. Мы должны гораздо сильнее концентрироваться на апостольском и пророческом служении, которые, на мой взгляд, будут приобретать все большую актуальность по мере того, как культура и церковь будут все глубже входить в эпоху постхристианства.

Я считаю, что и апостольское и пророческое служение очень необходимо и актуально. Конечно, все пять служений важны, но апостольское и пророческое сейчас особенно нужны. Ведь апостол — это не тот, кто просто евангелизирует или пытается привести новообращенных в церковь. Апостол — это тот, кто будет идти в мир и нести благую евангельскую весть к людям там, где они на данный момент находятся. Это тот, кто выстраивает общество, сеет семена евангелия вне церковных стен. В этом и есть самая суть служения в постхристианской эпохе — будь это в Украине, в Великобритании, в Северной Америке или где-либо еще. Нам необходимо куда больший акцент делать на апостольском служении. Но задали вопрос о пророческом служении, которое имеет очень близкое к нему отношение. Мне кажется, что мы должны понимать пророчество в гораздо более библейском и богословском смысле, чем оно традиционно понимается. Мы весь чаще всего ассоциируем пророчество с неистовыми и изощренными ожиданиями и спекуляциями...

А. Г.: Предсказаниями...

Д. С.: Предсказаниями по поводу того, что должно произойти в конце света. В общем, пророчество часто ассоциируется с разными очень странными идеями. Но я готов поспорить, что с библейской точкой зрения все это не имеет ничего общего. Ведь с точки зрения библейской

перспективы пророчество основано на реальности сегодняшнего дня. Пророк — это тот, кто видит происходящие здесь и сейчас события глазами вечности и занимает позицию истины и справедливости перед лицом лжи и несправедливости. Поэтому пророк — это тот, кто занимает позицию Царства Божьего. Пророк — это тот, кто противостоит духу данного времени. Пророк — это неудобный человек, чужак, белая ворона, тот, кто не вписывается в общую массу или структуру, будь то церкви или общества. И, как результат, пророки подвергаются остракизму, становятся изгоями, иногда их даже изгоняют из общества. Но мы как богословское сообщество и церковь должны предоставить безопасное место особенно для молодых людей и молодых богословов, где они могли бы упражнять свой пророческий дар. И это означает, что мы должны развиваться и думать креативно о том, как рассказывать альтернативные истории о том, что значит следовать за Христом в постхристианском мире, что значит быть христианином в современном мире, как выражать свою веру в радикальной и жизнеутверждающей форме.

Нам нужны пророки, которые будут нам об этом напоминать и говорить. Нам нужны пророки для понимания подводных духовных течений, которые имеют место в нашем обществе — для того, чтобы мы понимали, например, явление расизма не просто как социальную патологию или зло с этической точки зрения, но рассматривали расизм с профетической перспективы как богохульное искажение Божьих целей и намерений. Как говорил Мартин Лютер Кинг, который был весьма профетической фигурой, расизм — это метафизическое заболевание. В Америке в шестидесятые годы о расизме говорили многие, но только Мартин Лютер Кинг и его окружение обладая пророческим видением, увидели расизм в его истинном свете, распознали, что расизм разрушает белых в той же степени, в которой разрушат черных. Мне кажется, что это именно то, что может делать пророк. Он способен проникнуть в глубину реальности, духовной реальности, а духовная реальность — это те подпорки, которые держат наше общество. Он способен с библейской и богословской перспективы смотреть в корень, видеть через поверхностные внешние провозглашения и лозунги вещи такими, какими они есть на самом деле. Для того чтобы делать это, мы должны окунуться в Писание, пропитаться им, сделать библейский нарратив нашим личным нарративом — чтобы не просто бездумно повторять людям библейские тексты, но, погрузившись в библейский рассказ, могли предложить им подлинное и укорененное в Библии понимание того, что значит быть христианином в современном мире.

А. Г.: Джошуа, спасибо большое. Это была интересная беседа.